

УДК 81.36

А. С. Крамскова

Институт лингвистических исследований РАН

ПРЯМАЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ ПРИ ВЫРАЖЕНИИ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ИНТЕНЦИИ В ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном тибетском языке существует парадигма эвиденциальных глагольных форм, с помощью которых говорящий указывает на источник информации или доступ к ней. Семантически маркированная прямая эвиденциальность, соответствующая сенсорным источникам информации о факте высказывания, может использоваться говорящим для реализации различных коммуникативных интенций, в частности эмоционально-оценочной интенции. В данной статье представлены результаты исследования особенностей выражения говорящим эмоционально-оценочной интенции с использованием форм прямой эвиденциальности в современном литературном тибетском языке. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью выражения коммуникативных интенций в тибетском языке и реализации эвиденциальности в современном письменном тибетском. Исследование проводилось на материале морфосинтаксически размеченного корпуса объемом 83 018 токенов из 20 текстов различных жанров художественного, научного и публицистического стилей на современном тибетском языке, под говорящим понимались адресанты встреченных в тексте отрывков прямой речи и повествований от первого лица (автор, литературный персонаж, лирический субъект). Для отбора и анализа высказываний с эмоционально-оценочной интенцией применялся контекстный анализ с характеристикой адресанта, адресата и предмета высказывания, речевой обстановки, а также значения глагольной формы в объеме операционного контекста. Анализ показал, что при выражении эмоционально-оценочной интенции с помощью прямой эвиденциальности говорящим акцентируется один из аспектов значения прямой эвиденциальности: 1) объективная или перцептуальная неконтролируемость наблюданной ситуации со стороны говорящего; 2) прямое засвидетельствование факта высказывания как источник неадресованной экспрессии; 3) непосредственное наблюдение говорящего как аргумент для оценивания и валидации сообщаемого факта. В статье приводятся сведения об эвиденциальной системе тибетского языка и наиболее распространенных коммуникативных интенциях, оформляемых прямой эвиденциальностью, а также подробно рассматриваются отдельные случаи выражения эмоционально-оценочной интенции с анализом коммуникативной позиции говорящего и выбора им средств выражения. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: тибетский язык, коммуникативная интенция, эвиденциальность, функциональная грамматика, эмоционально-оценочная интенция.

Anna S. Kramskova

Institute for Linguistic Studies of the RAS

TESTIMONIAL EVIDENTIALITY AT EXPRESSING EMOTIONAL-EVALUATIVE INTENSION IN TIBETAN

Modern Tibetan has a paradigm of evidential verb forms, with the help of which the speaker indicates the source of information or their access to it. The semantically marked testimonial evidentiality (which corresponds to sensory sources of information about the fact of the utterance) can be used by the speaker to implement various communicative intensions, in particular, emotional-evaluative intension. This article presents the results of a study of speaker's expression of emotional-evaluative intension using the forms of testimonial evidentiality in Modern Literary Tibetan. The relevance of the work is based on the insufficient study of how Tibetan speakers express communicative intensions and how evidentiality is implemented in written Modern Tibetan. The analysis was carried out on a morphosyntactically marked corpus of 83,018 tokens combining 20 texts of various genres of fiction, academic and journalistic writing in Modern Tibetan. A speaker was understood as any addresser of an utterance in direct speech and first person narration parts of the text (author, literary character, lyrical subject). For the selection and analysis of utterances with an emotional-evaluative intension, contextual analysis was used, characterizing the addresser, addressee and the object of the utterance, speech situation, as well as the meaning of the verb form in the scope of the operational context. The analysis showed that when expressing emotional-evaluative intension with the help of testimonial evidentiality, the speaker emphasizes one of the aspects of the meaning of this type of evidentiality: 1) objective or perceptual lack of control over the observed action or situation by the speaker; 2) direct evidence of the fact of the utterance as a source for an unaddressed emotional state; 3) direct observation of the speaker as an evidence for assessing and validating the reliability of the reported fact. The article provides information on the evidential system of the Tibetan language and the most common communicative intensions formalized by testimonial evidentiality, as well as discusses in detail individual cases of expressing emotional-evaluative intension along with the analysis of the speaker's communicative position and his choice of means of expression. Refs 22.

Keywords: Tibetan, communicative intension, evidentiality, functional grammar, emotional-evaluative intension

1. ВВЕДЕНИЕ

Глаголы в тибетском языке грамматически не передают категории наклонения и залога, а также не маркируются по лицу и числу. Семантически все тибетские глаголы делятся на две группы в зависимости от возможности актора контролировать называемое действие: глаголы случайных действий и глаголы контролируемых действий¹ [Zeisler 2004: 250–251]. Маркирование субъекта показателями эргатива или абсолютива в целом соответствует значению его тран-

¹ В первую группу входят глаголы, указывающие на состояние, процесс, развитие и превращение ('gyur 'становиться'), ко второй относятся позиционные глаголы, глаголы действия и т.д. ('thu 'собирать').

зитивности, однако может зависеть и от семантики глагола. Так, агент непереносного глагола контролируемого действия может быть маркирован эргативом в эмфатических целях, а эргатив при субъектах транзитивных контролируемых глаголов может опускаться, таким образом говорящий может указывать на меньшую степень контроля актора над действием [Zeisler 2004: 254]. В той же логике говорящий может выбирать между разными эвиденциальными глагольными формами с тем, чтобы они указывали на большую или меньшую связь действия с говорящим и, соответственно, на больший или меньший контроль говорящего над событием [Zeisler 2004: 258].

На более ранних этапах развития в тибетском языке существовали перифразистические аналитические конструкции со вспомогательными глаголами, однако большинство из них имели искусственный характер и использовались для калькирования санскритских глагольных форм в буддийских сочинениях. В финитной позиции использовались простые глагольные основы, глаголы могли иметь от одной до четырех основ (прошедшего, настоящего, будущего времени и императива); например, глагол ‘делать’: *byas* — PST, *byed* — PRS, *bya* — FUT, *byos* — IMP.

В современных вариантах тибетского произошло отмирание четырехосновной глагольной системы, у большинства глаголов редуцировались основы будущего времени и императива, а основы прошедшего и настоящего времени вследствие омофонии объединились в одну. В то же время из отдельных перифразистических конструкций развились аналитические конструкции, выражающие время, аспектуальность, а также категорию эвиденциальности.

2. КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ТИБЕТСКОМ ЯЗЫКЕ

Р. Я. Якобсон впервые выделил эвиденциальность как шифтерную категорию, которая учитывает сообщаемый факт, факт сообщения и источник сведений о факте [Якобсон 1972]. Петербургская школа обычно характеризует эвиденциальность как семантическую актуализационную категорию, которая относится ко внешней модальной рамке высказывания и передает отношение говорящего к содержанию своего сообщения в форме указания на источник получения информации [Бондарко 2011].

Во многих языках с грамматической системой эвиденциальности семантически маркируется получение информации из косвенных источников [Эвиденциальность... 2007: 604]. В тибетском же языке исторически развивалось маркирование напрямую засвидетельствованной информации, ответственность за достоверность которой готов нести говорящий. Лишь в современном тибетском развилась система глагольных форм, указывающих на получение информации из косвенных источников [Zeisler 2018].

В старотибетском языке (VII–X вв.) происходит расширение значения глагола *'dug* от ‘сидеть’ до ‘пребывать какое-то время’, что позволило использовать его для выражения сомнения (1) [Zeisler 2018]. В классическом тибетском языке (XI–XIX вв.) в обиход входят периферийные конструкции *Vprs/Vpst+par+'dug* (2),

значение сомнения вымывается, оставляя после себя лишь значение личного наблюдения, и *'dug* начинает развиваться как эвиденциальный маркер.

- (1) *'di ni gnam-las byon-pa-'i btsan.po nyom.tshar.can zhig 'dug-pa-s |*
этот ТОР небо-ABL приходить-NMZ-GEN царь чудесный PART быть-NOM-ERG
«Поскольку этот пришедший с неба **кажется** чудесным правителем» (Nyang ral chos 'byung, XII в., из [Hill 2013])
- (2) *da bla.ma hdi-s ni hbul.ba med-pa-r*
сейчас лама этот-ERG ТОР подношение NEG. иметь-NMZ-LOC
gdams.ngag mi-gnay-ba-r-'dug
поучения NEG-давать-NMZ-DEST-быть(TEST)
«Сейчас этот лама **не даст** [мне] поучения без подношения» (Milaraspa rnamthar, из [Zeisler 2018])

С середины XX в. для изучения стало доступно множество тибетских источников, что дало начало новой волне изучения тибетской глагольной системы. Первые из работ, посвященные эвиденциальной парадигме в лхасском диалекте тибетского языка, появились еще в первой половине 1980-х гг. [Jin Peng 1979; DeLancey 1985; Chang, Chang 1984], а на I Международной конференции по эвиденциальности Гималаи уже назывались языковым ареалом с распространенной грамматической эвиденциальностью [Chafe, Nichols 1986].

На сегодняшний день считается, что в большинстве диалектов современного тибетского языка грамматически реализуется категория эвиденциальности, и в центральнотибетских диалектах существует по крайней мере три основных типа эвиденциальности: косвенная, эгофорическая и прямая [Hill 2012; Zeisler 2017; Tournadre, Dorje 2008; DeLancey 2018].

Косвенная, или фактическая (factual), эвиденциальность (далее — КЭ) исторически не является семантически маркированной, как уже упоминалось выше. Источником информации для КЭ выступают общезвестные факты, слова других людей и иные данные, полученные косвенным образом (3).

- (3) *nye.lam krung.go srid.gzhung-gis gros.char*
недавно Китай правительство-ERG указ
bton-pa ltar bod.yig ni glog.rdul
выносить-NMZ подобно тибетское письмо ТОР электронный
rtsis.chas-kyi rgyal.spyi-'i tshad.gzhi-ru slebs-pa.red
вычисление-GEN международный-GEN стандарт-TERM **приходить-PST. FACT**
«Недавно, в соответствии с постановлением китайского правительства, тибетское письмо **вшло** во всемирный компьютерный стандарт» (Phun tshogs bkra shis 1999).

Важно отметить, что источник информации может объективно не отвечать критериям «очевидности» и «общезвестности», достаточно, чтобы так считал говорящий (4).

- (4) *dzam.gling thog shog.bu mkhreg-shos de*
мир на бумага прочный-SUPL тот
bod.rigs-kyis bzo-gi.red
тибетцы-ERG делать-PRS.FACT
«Самую прочную в мире бумагу делают тибетцы» (Phun tshogs bkra shis 1999).

Эгографическая (personal, egophoric) эвиденциальность (далее — ЭЭ) является особым типом эвиденциальности, свойственным центрально-тибетским диалектам, но отсутствующим в западнотибетских диалектах, например в ладакском [Zeisler 2017]. Главная характеристика ЭЭ заключается в том, что говорящий совпадает с источником информации, и (или) частично сам является предметом высказывания, то есть речь в высказывании идет о самом говорящем или объектах, которые он не отделяет от себя [Hill 2013]:

- (5) *nga-la shod-rgyu gzhan dag mang.po yod*
1SG-LOC рассказать-NMZ другой PL многое быть.ego
«У меня про многое другое есть что рассказать» (Phun tshogs bkra shis 1999).

Прямая (direct, testimonial, experiential, sensory) эвиденциальность (ПЭ) типично используется, когда источником информации выступает прямое сенсорное наблюдение актора (6).

- (6) *da.lta 'ang dri.bsung 'thul-gyin.dug*
сейчас даже аромат распространяться-PRS.TEST
«[Тот цветок] даже сейчас источает благоухание» (Don grub rgyal 1997b).

Также ПЭ используется для оформления внутренних переживаний и эмоций:

- (7) *skyid.po zhig mi-dug bsam*
счастливый PART NEG- быть.TEST думать
«[Он] подумал, что несчастлив» (Tshe ring don grub 2006).
(8) *bod.yig ,di gsar-du bzo.gnang-ba zhig*
тибетское письмо этот вновь создавать-NMZ PART
yin-gyi.red bsam-gyi.dug
быть-PRS.FACT думать-PRS.TEST
«Думаю, что этот [вид] тибетского письма является вновь созданным» (Chos 'phel rdo rje 1987).

Это дает некоторым исследователям основание утверждать, что источником ПЭ в тибетском языке являются эндорфические источники информации [Evidential Systems... 2017], другие трактуют это как явление «личностного переноса» (personal transfer) [Oisel 2017], при котором говорящий рассматривает свои переживания с позиции внешнего наблюдателя. Это явление, вероятно, связано с низкой контролируемостью действий и состояний личности в ментальной и эмоциональной сферах, что обычно делает говорящего скорее наблюдателем этих действий, чем их инициатором. Так, в сравнении с формой ПЭ *bsam-gyi.dug* (9) эгофорическая форма *bsam-gyi.yod* ‘думаю (PRS.EGO)’ является семантически маркированной, поскольку глагол *sems* ‘думать’ является неволитивным глаголом случайного действия, и, выбирая ЭЭ, говорящий подчеркивает интенциональность своего действия,ср.: *ngas khyed.rang-gi bka'.drin bsam-gyi.yod* ‘я выражают свою благодарность’ (букв. ‘я о Вашей доброте думаю’).

Таким образом, использование ПЭ с глаголами случайного действия (9) является семантически немаркированным (9), а с глаголами контролируемого действия — наоборот (10).

- (9) *chu-kyi zegs [...] skad.cig tsam-la phar ,gram-du bud-song*
вода-GEN капля момент лишь-DAT туда край-DEST падать-PERF.TEST
«[Грузовик дернулся и] капли воды... мгновенно вылились наружу» (Tshe ring don grub 2006).
- (10) *nga-'i sems-kyang rang.dbang med-pa-r pad.mtsho*
1SGL-GEN сознание-EMPH самоконтроль NEG.быть-NMZ-DEST Пецо
gnas-sa-'i rtswa.thang-la shor.song
жить-NMZ-GEN пастбище-DAT бежать-PST.TEST
«Мое сознание **непроизвольно** также **сбежало** на пастбища, где жила Пецо»
(Don grub rgyal 1997b).

Относительно перфектной формы ПЭ *V+‘dug* PERF (TEST) продолжается научная дискуссия, поскольку источником информации при выборе данной формы зачастую выступают вторсынгинальные источники, на основе которых говорящий совершают умозаключение (11), что говорит, по меньшей мере, о наличии у перфекта ПЭ дополнительного инференциального значения [Zeisler 2004; Tournadre 2003; Tournadre 2008].

- (11) *phyi.rol-tu kha.ba babs-‘dug*
внешняя.сторона-DEST снег падать-PERF.TEST
«Снаружи **выпал** снег» (Pad ma tshe brtan 1999).

3. ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ

Определяющую роль в семантике эвиденциальности как актуализационной категории играет понятие *позиции* говорящего, а именно реализации отношения говорящего к своему сообщению через выбор тех или иных форм выражения

в конкретной речевой ситуации. Это коррелирует с тем, что эвиденциальные формы в тибетском языке не являются некой объективной маркировкой типа источника информации, а применяются говорящим для указания на его доступ к данной информации, на уровень личного контроля над ней или на размер персональной ответственности за данную информацию [Zeisler 2017].

Таким образом, в реализации категории эвиденциальности на первые позиции выходит *коммуникативная интенция говорящего* — цель высказывания, выражаемая через систему языковых и речеповедческих фильтров, отсеивающих необходимые языковые единицы для построения эффективного высказывания [Бондарко 1994]. Г. П. Грайс определял интенцию как намерение говорящего передать в высказывании определенное субъективное значение через формулу «А подразумевает нечто, говоря *x*», причем грамматическое значение *x* должно входить в систему соглашений членов данной языковой группы [Грайс 1985].

Анализ речевой интенции говорящего исходит из анализа речевой ситуации и операционного контекста, поскольку интенциональность обладает градуальным характером и именно взаимосвязь всех элементов контекста определяет степень интенциональной окрашенности высказывания [Бондарко 2011: 307–308]. Интенциональный, а не автоматический выбор глагольных форм обычно сопровождается дополнительной аргументацией, которая может быть представлена эксплицитно при помощи лексических и грамматических средств, а также более имплицитно — через операционный контекст.

Интенциональное употребление ПЭ подразумевает семантически маркированное употребление форм ПЭ в сравнении с использованием КЭ или ЭЭ, а также с семантически немаркированным (неинтенциональным) употреблением ПЭ. На материале собранного корпуса можно выделить три основных типа коммуникативных интенций при применении ПЭ: персуазивный, нарративный и эмоционально-оценочный.

Персуазивная интенция наблюдается у говорящего при попытке убедить адресата высказывания в достоверности излагаемых фактов или в целом внушиТЬ доверие к источнику информации посредством акцентирования непосредственного наблюдения факта высказывания. Например, в (12) дважды употребляются формы ПЭ — в речи имплицируемых очевидцев (*bsdad-bzhag* ‘лежали (PERF.TEST)’ и в речи самого говорящего (*zer-gyi.dug* ‘говорят (PRS.TEST)’), таким образом последний указывает на то, что лично слышал о данном факте от непосредственных свидетелей.

- (12) *shi-rjes sku.phung bkram dus mog.mog-rnams rgyu.mag nang*
умереть-CNV труп вскрыть когда момо-PL желудок внутри
rang.'jag sbang ,grig bsdad-bzhag zer-gyi.'dug
нетронутый ряд располагаться лежать-PERF.TEST говорить-PRS.TEST
'Говорят, что когда после смерти труп вскрыли, нетронутые момо² лежали
рядами внутри желудка' (Phun tshogs bkra shis 1999).

² Тибетские пельмени, приготовляемые на пару.

Нarrативная интенция с использованием ПЭ обнаруживается в высказываниях повествовательного характера, когда говорящий останавливается на отдельном моменте нарратива и «приближает» данное действие или состояние. Акцентируется прямое наблюдение (часто в сочетании с дуративом, как в (13)), использование форм ПЭ семантически маркируется на контрасте с повествованием как в КЭ, так и в ЭЭ (при повествовании о собственных действиях).

- (13) *nga-i gdong-la ce.re-ru lta-bzhin.dug*
 я-GEN лицо-DAT широко.открытый-DEST смотреть-DUR.TEST
 «[Она] смотрит на мое лицо широко открытыми глазами» (Don grub rgyal 1997b).

Наконец, *эмоционально-оценочная интенция* (далее — ЭОИ) отмечается в ситуации, когда говорящий выражает эмоции по поводу предмета высказывания или дает ему оценку (14). Для выражения ЭОИ характерны использование эмфатических средств и необязательность наличия адресата.

- (14) *ngo.ma glen.pa red*
 я (PEJ) туница быть (FACT)
 «Я — туница» (Don grub rgyal 1997b).

4. ПРОБЛЕМА И МЕТОДОЛОГИЯ

Выражение ЭОИ при помощи форм ПЭ является лишь одним из возможных вариантов ее оформления, однако изучение данного вопроса позволит получить сведения о реализации категории прямой эвиденциальности и о функциональной реализации позиции говорящего в различных речевых ситуациях в современном тибетском языке. Важно выяснить, чем может быть обусловлен выбор говорящим именно форм ПЭ, в каких речевых условиях происходит данный выбор, какие преимущества может предоставить использование форм ПЭ в сравнении с формами ЭЭ или КЭ.

Помимо этого, на данный момент не имеется достаточного количества исследований по реализации категории эвиденциальности в современном литературном тибетском языке, несмотря на интерес к данному вопросу [Tournadre, LaPolla 2014].

Основным методом решения проблемы оценки интенциональности высказывания и анализа особенностей употребления ПЭ для реализации ЭОИ стал метод *контекстного анализа*. С помощью сплошной выборки и последующего анализа речевых интенций отбирались и исследовались все высказывания с ЭОИ, путем сопоставления форм из последних выбирались случаи употребления форм ПЭ. Контекстуальный анализ проводился с учетом анализа адресанта, адресата и объекта высказывания в операционном контексте, при исследовании выражений с ЭОИ особое внимание уделялось анализу употребленных эмфа-

тических элементов. Под *говорящим* понимались все адресанты встреченных в тексте отрывков прямой речи и повествований от первого лица (автор, литературный персонаж, лирический субъект). Отдельно проводилось сопоставление высказываний с ЭОИ, выраженных формами ПЭ, КЭ и ЭЭ.

Исследование проводилось на материале электронного малого корпуса письменных текстов различных жанров. Всего корпус насчитывает 83 018 токенов, размер текстов разнится от 555 до 13 729 токенов. Корпус был сформирован с целью совместить для анализа тексты различных жанров на современном тибетском языке из тех, с которыми ранее проводилась работа по переводу и грамматическому анализу и к которым уже имелся параллельный перевод. В результате в число 20 текстов вошли 4 поэтических и 6 прозаических произведений (либо отрывков из них) современных тибетских писателей³, отдельные главы из учебника по каллиграфии преподавателя Лхасского университета и научно-исследовательской монографии о тибетской грамматике, а также 4 научные статьи из тибетского научного журнала «Тибетологические исследования» о тибетской письменности. Отдельно стоит отметить вошедший в корпус сатирический диалог Пунцог Таши «Номер один в Тибете», по форме воспроизводящий спонтанный диалог.

Большинство текстов относятся к периоду 1980–2000-х гг., однако в корпус были также включены 3 сборника публикаций из газеты «Зеркало Тибета»⁴ за 1925–1937 гг. из интереса к реализации эвиденциальности в текстах, созданных на более раннем периоде становления современного тибетского языка⁵. Как оказалось, язык статей «Зеркала Тибета» сильно приближен к классическому тибетскому и встреченные употребления за редким исключением (15) не отражают ПЭ.

- (15) *phan.thogs chen.po bsgrub-bzhin-'dug*
польза большой достигать-DUR.TEST
«[Издание газет] приносит большую пользу» (Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long 1925).

Современный литературный тибетский язык, на котором составлены тексты данного корпуса, является результатом эволюции классического литературного языка под влиянием современного разговорного тибетского (в первую очередь центральнотибетских и восточнотибетских диалектов). Для него характерно одновременное сохранение четырехосновной модели спряжения, вышедшей из употребления в разговорном языке, и употребление разговорных аналитических глагольных конструкций в финитной позиции. В ситуации подобной дихотомии автор во многом совершает выбор глагольной формы по личному усмотрению [Tournadre 2001: 68]. В текстах корпуса также ожидаемо наблюдается смешанное употребле-

³ Подробнее о текстах корпуса см.: [Тибетская литература... 2014].

⁴ Tibet Mirror, тибет. *Yul phyogs so so'i gsar 'gyur gyi me long*, одна из первых газет на тибетском языке, издававшаяся в Калимпонге (Индия) с 1925 по 1963 г.

⁵ Ранний этап становления современного тибетского языка обычно относят к концу XIX в. [Zeisler 2018].

ние глагольных форм: в прямой речи используются разговорные аналитические формы, в том числе с эвиденциальным значением, тогда как в речи автора часто употребляются одиночные глагольные основы. Интересно, что в романах «Рев красного вихря» и «Снег» глагол *'dug* вне прямой речи персонажей употребляется в устаревшем значении ‘находиться длительное время’ (16):

- (16) *lug.rdzi gcod.pa dang kho-'i chung.ma-'ang snga.mo.nas lhags.rlung khrod 'greng-ste*
 пастух Чопа СОМ 3SGL-GEN жена-ЕМРН долго ветер центр **стоять-CNV**
rgyang.ring-gi dkar zhing brjid-pa-'i gangs.ri-la cer-'dug
 далекий-GEN быть.белым-CNV сиять-NMZ-GEN снежная.гора-DAT **смот-реть-находиться**
 «Пастух Чопа и его жена же долго **стояли** на ветру и **смотрели** в сторону далеких белых и величественных снежных гор» (Pad ma tshe brtan 1999).

При изучении операционного контекста особую роль играл анализ предиката. В тибетском языке глаголы не спрятываются по лицу и числу, однако есть разделение на финитные и нефинитные формы — те, что могут или не могут возглавить простое утвердительное предложение. Нефинитные формы делятся на две группы: номинализованные глагольные формы (отглагольные существительные и прилагательные) и конвербы (адъюнктивные формы с адвербиальным значением). Нефинитные именные формы тибетского глагола могут выражать лишь категорию относительного времени [Zeisler 2004], поэтому при отборе высказываний учитывались только финитные глагольные формы и конвербы.

Ниже (табл. 1) приводится сводная таблица основных форм глагольного спряжения в тибетском языке по времени, аспекту и эвиденциальности [Tournadre, LaPolla 2014; Hill 2012; S. De Lancey 2018; Zeisler 2004: 470].

Таблица 1. Эвиденциальная парадигма в современном тибетском языке

Эвиденциальность	Глаголы-связки (aux)	FUT	PRS	PERF	PST
Косвенная (FACT)	<i>red, yod.red</i>	V.Prs+gi+red	V.Prs+gi+yod yod.(pa.)red, VNprss+red	V.Pst+yod.(pa.)red	VNpst+red
Эгофорическая (EGO)	<i>yin, yod</i>	V.Prs+gi+yin	V.Prs+gi+yod	V.Pst+yod	VNpst+yin, V.Pst+byung
Прямая (TEST)	<i>'dug, red.bzhag</i>	-	V.Prs+gi+'dug	V.Pst+bzhag, V.Pst+'dug	V.Pst+song

Кроме того, базовая форма спряжения может дополняться глаголом-комплémentом, несущим дополнительное аспектуальное или акциональное значение, например прогрессива *V.Prs+gi+bsdad*⁶ +aux или комплетива *V.Past+tshar*⁷ +aux.

⁶ *bsdad* ‘сидеть’

⁷ *tshar* ‘завершаться’

В связи с вышеупомянутой ориентацией многих авторов на классический тибетский язык, в список анализируемых форм вошли также встреченные аналитические формы классического языка (табл. 2), а также копула *lags* ‘быть(eq) (FACT.HON)’ и бытийный глагол *tchis* ‘быть(ex)(FACT)’. В таблице приведены лишь вероятные значения данных форм, поскольку многие из них используются свободно от автора к автору и единого мнения в литературе по данному вопросу пока не сформировано.

Таблица 2. Литературные аналитические формы

Литературная форма	Вероятное значение
<i>V.Prs+gyin+dug</i>	PRS.TEST
<i>V.Prs+tshod+dug</i>	PRS.TEST (+EPI?)
<i>V.Prs+zhing+dug</i>	PRS.TEST
<i>V.Prs+bzhin+dug</i>	DUR.TEST
<i>VNprs+du+dug</i>	PRS.TEST
<i>V.Past+nas+dug</i>	PST.TEST
<i>VNpst+du+dug</i>	PST.TEST

5. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПЭ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ЭОИ

Анализ выявленных случаев реализации ЭОИ позволил выделить следующие характеристики типичной коммуникативной ситуации с ЭОИ: 1) говорящий выражает собственное убеждение в чем-либо или свои эмоции по поводу ситуации; 2) адресат часто не эксплицирован как экзогенный фактор для эмоций и убеждений говорящего; 3) речевая ситуация неформальная, связана с личными переживаниями говорящего; 4) эмоциональность и оценочность выражается с использованием эмфатических средств на всех языковых уровнях и прямо пропорциональна интенциональности говорящего.

Среди универсальных эмфатических средств, встречающихся в текстах корпуса, наблюдаются междометия, эмфатические частицы, маркированные глагольные формы, модальные глаголы, эмоционально-оценочная лексика, редукция грамматических форм, сравнение, гипербола, литота, метафора, инверсия, противительные и параллельные синтаксические конструкции.

Выражение ЭОИ возможно с употреблением различных глагольных форм, с разными типами эвиденциальности. Формы КЭ нуждаются в дополнительной эмфатической поддержке контекста, часто происходит трансформация глагольной формы (усложнение (17) или редукция (18)). Формы КЭ используются в си-

туациях, когда говорящий не нуждается в дополнительных значениях, привносимых ЭЭ и ПЭ, или избегает их.

- (17) *dpa'.bo de-'i blo.rgya ci.dra che-zhing mig.rgyang*
 герой тот-GEN взгляд какой быть.большим-CNV дальновидность
ci.dra-'i ring.ba zhig red ang
 какой-GEN быть.длинным-NMZ PART быть.FACT EMPH
 «Как же велика была широта взглядов и сильна дальновидность тех героев!» (Don grub rgyal 1997e).

В примере (18) высказывание первого собеседника является простым утверждением с пониженной интенциональностью, возможно, с небольшой персуазивной интенцией, форма КЭ подчеркивает, что говорящий воспринимает упоминаемый рекорд Гиннеса как факт, нет индикаторов эмоциональной вовлеченности. Ответная реплика его собеседника, однако, содержит явное указание на эмоциональный отклик, используются редуцированная глагольная форма, междометие (*a pa la*) и оценочная характеристика объекта информации (*las nag* ‘мерзавка’).

- (18) — *yang u ru su'i bud med zhig gis lo nyi shu nyal bsdad pa red/de ni 'dzam gling thog gnyid nyal ba'i dus tshod ring shos de red* («Также одна русская женщина спала 20 лет. Это — самый долгий период сна в мире.）
 — *a pa la/ las.nag lo nyi.shu nyal.bsdad [-pa.red]*
 INTER мерзавец год 20 лежать-DUR-[PST.FACT]
 «Батюшки, мерзавка 20 лет проспала!» (Phun tshogs bkra shis 1999).

В текстах корпуса случаи оформления ЭОИ при помощи ЭЭ встречаются довольно редко. По всей видимости, это связано с накладываемым ЭЭ семантическим ограничением, согласно которому предмет высказывания, вызывающий эмоции, должен быть непосредственно связан с актором (19), или же с тем, что повышенная эмоциональность должна сочетаться с высокой контролируемостью (20) или субъективностью ЭЭ.

- (19) *'on.kyang/ [...] nga-'i rna.lam-du da.lta-'ang da.dung ,gengs.pa ni*
 однако 1SGL-GEN ухо-DEST сейчас-EMPH все.еще наполнять-NMZ TOP
 — *ma.'ongs.pa-'i 'tsho.ba yin*
 будущее-GEN жизнь быть.EGO
 «Однако [...] то, что **все так же** и сейчас наполняет мои уши, — это будущая жизнь» (Don grub rgyal 1997d).

Помимо обычной эмфатической лексики (частица *ang* ‘даже’, наречие *da dung* ‘все еще’), глагольные формы часто дополняются комплементами со значением эпистемической модальности (*nges* ‘действительно’ в (20)).

- (20) *nga-tsho-yis rang.re-'i mi.rigs 'di-ru/ mdun.bskyod-kyi lam gsar.ba zhig 'byed-ngeś-yin*

1PL-ERG REFL-GEN поколение этот-DEST развитие-GEN дорога новый открывать-EPI-PRS.EGO

«Мы **действительно** открываем новую дорогу развития для этого нашего поколения» (Don grub rgyal 1997e).

В сравнении с КЭ и ЭЭ, ПЭ употребляется намного чаще для выражения ЭОИ в текстах, для характеристики неконтролируемости ситуации и для убеждения собеседника в собственной оценке через акцентирование прямого наблюдения за ситуацией.

Стороннее наблюдение за неконтролируемой ситуацией обычно сопровождается указанием на неизбежность обстоятельств (21) и употреблением оценочных глаголов типа *ran* ‘быть вовремя’ (22), *drags* ‘быть чересчур’ (23).

- (21) *rang-gi ngag sgo.sdom-rgyu-las thabs gzhan.pa gang-yang mi-'dug*

REFL-GEN речь закрывать-NMZ-ABL метод другой **какой-EMPH NEG-быть.TEST**

«У меня **не было никакого** другого выхода, кроме как заставить себя молчать» (Don grub rgyal 1997b).

- (22) *da ni khyod-kyis yod.tshad shes-ran-la bslebs-'dug*

сейчас TOP 2SGL-ERG **время знать-быть.вовремя-CNV приходить-PERF.TEST**

«Сын! Теперь вот **пришло время**, когда **пора** тебе узнать все что было» (Padma tshe brtan 1999).

- (23) *ya/ [...]chung.ma len-ran-pa-s 'phyis-drags-'dug*

INTER жена брать-быть.вовремя-NMZ-ERG опаздывать-быть.чересчур-PERF.TEST

«Да, [...] не то что **пора** жениться — а **давно пора!**» (Don grub rgyal 1997).

Маркированное употребление форм ПЭ уже само по себе способно поддержать эмоциональность и придать утверждению дополнительный вес. В (24) лирический субъект стихотворения олицетворяет наблюдаемый им водопад с тибетской молодежью, финитная форма со значением ПЭ относится ко всему стиху. Повышенная эмоциональность поддерживается особым построением стиха с использованием параллельных конструкций и ритмичного рефрина *nga tsho ste* ‘это мы’.

- (24) *khyed kyi chil chil g.yo ba'i rlabs phreng dang/ lang long 'thor ba'i gzegs ma las — nga tsho ste/ bod gangs can gi mi rabs gsar ba'i stobs shugs mtshon pa dang/ khyod kyi shang shang 'bab pa'i chu rgyun dang/ 'ur 'ur bzhur ba'i chu sgra las — nga tsho ste/*

(«Из твоего блестящего текучего потока и россыпи капель — **мы!**

Ты выражашь силу нового поколения страны снегов

Из звука падающего потока и звука текущей воды — мы!»)
bod gangs.can-gi mi.rabs gsar.ba-'i phugs.bsam mngon-'dug
 Тибет снежный-GEN поколение новый-GEN надежда выражать-PERF.TEST
 Ты выразил надежду нового поколения Тибета» (Don grub rgyal 1997d).

В (25) наплыв эмоций в говорящем вызывает прямое наблюдение за окружающим пейзажем, ЭОИ поддерживается противительной конструкцией, использованием гиперболы и междометия.

- (25) *sa phyug mo g.yang sde gru bzhi 'di nga'i pha yul yin la/ nam zla dro rang snyoms shing dus bzhi'i dbye ba gsal ba zhig yin mod/* («Эта богатая земля, окруженная скалами, — моя родина, с хорошей погодой и четким делением на четыре времена года»).
'on.kyang/ da.lta ri thang med-pa-r kha.ba-yis g.yogs-'dug kye/
однако сейчас гора равнина NEG.быть-NMZ-TERM снег-ERG покрывать-PERF.TEST INRTJ
 «Однако сейчас [она] покрылась снегом так, что горы и равнины исчезли, эх» (Don grub rgyal 1997a).

В (26) переживания авторского alter ego в отношении пожилого поколения тибетцев оформляются противительной конструкцией высказывания, оценочной лексикой (наречие *da dung*) и контекстуально окрашенным противопоставлением *gzhung lam* ‘шоссе’ и *rkang lam phra mo* ‘узкой тропы’:

- (26) *phyis su mi yis 'drud 'khor lo dang/ shing rta/'drud 'then 'khor lo rlangs 'khor sogs 'khor lo'i rigs sna tshogs byung bas/ pho gsar mo gsar rnams kyis gzhung lam gyi phan yon thog ma ru rtogs na yang/* («Впоследствии, поскольку появились различные виды средств передвижения, такие как рикши, повозки, тракторы и другие, юноши и девушки первыми стали понимать пользу шоссе, однако»)
sle.bo rgyab-tu khur-ba-'i mi phal.cher da.dung
 корзина спина-TERM нести-NMZ-GEN человек большинство **все.еще**
rkang.lam phra.mo brgyud.nas 'gro-zhing.'dug
 тропа узкий через **идти-PRS.TEST**
 «Большинство людей с корзинами на спине по-прежнему ходят по узкой тропе» (Don grub rgyal 1997e).

В диалогической речи ЭОИ часто возникает в ответных репликах как реакция на предыдущее высказывание. В (27) говорящий характеризует маловероятное событие, упомянутое собеседником, как «сказку» (*sgrung*), редукция финитной формы подчеркивает эмоциональное состояние говорящего.

- (27) *shi rjes sku phung bkram dus mog mog rnams rgyu mag nang rang 'jag sbang 'grig bsdad bzhag zer gyi 'dug* («Говорят, что, когда после смерти труп вскрыли, мумы внутри остались целыми и лежали рядами»).

da sgrung bshad-kyi-[,dug]

сейчас сказка рассказывать-PRS.TEST

«Ну и **сказки** [ты] сейчас рассказываешь» (Phun tshogs bkra shis 1999).

В (28) говорящая со смехом рассказывает в письме другу, как ее прежнее не-знание орфографии стало местным анекдотом в ее деревне, что она до сих пор и наблюдает. ЭОИ дополнительно оформляется эмфатической частицей ‘*ang*’ и оценочной лексикой (*kun* ‘все’, *dgod kha slong ba* ‘смешная шутка’).

- (28) *da.lta-'ang pho mo rgan gzhon kun-gyis*
сейчас-EMPH мужчина женщина старый молодой **все**-ERG
dgod kha slong-ba-'i gtam-du byed-kyin-'dug
шутка рот поднимать-NMZ-GEN история-DEST делать-PRS.TEST
«**Даже** сейчас **все** — мужчины и женщины, стар и млад — **рассказывают**
это как **смешную** историю, от которой **рот растягивается** (в улыбке)» (Don grub rgyal 1997b).

Использование выразительных средств (таких как сравнение, гипербола и метафора) значительно повышает эмоциональность высказывания. Так, в (29) говорящий сетует по поводу того, что ему вернули его потерянный ночной горшок сильно помятым. ЭОИ оформляется с помощью междометия (*a ho*), оценочной лексики (*skal ba dman pa* ‘плохая карма’), эмфатической частицы *kyang* и сравнения людской добродетели с тем же «ночным горшком» (*chab tog*).

- (29) *a.ho snyigs.dus-kyi mi-rnams skal.ba dman.pa-la/ chab.tog cig-gi*
INTRJ калиюга-GEN человек-PL карма плохой-DAT **ночной.горшок** PART-
GEN
bsod.nams kyang mi-'dug.
добродетель EMPH NEG-быть.TEST
«**Эх**, в **несчастных** людях из времен калиюги **нет** добродетели **даже с** **один**
ночной горшок» (Tshe ring don grub 2006).

В рамках единого высказывания возможно оформление ЭОИ с сочетанием форм ПЭ и КЭ/ЭЭ. Так, в (30) первая часть высказывания, в которой говорящий удивляется быстротечности времени в целом, оформлена редуцированной ко-пуплой КЭ (усиленной эмфатической финитной частицей *ang*). Вторая же часть, в которой говорящий собственно наблюдает быстро текущее время, оформлена перфектом ПЭ в сочетании с гиперболой.

- (30) *kye dbyar dgun ston dpyid/ lo gcig-gi dus.tshod ni*
INTRJ лето зима осень весна год один-GEN период TOP
ci.dra-'i mgyogs.pa-la [red]ang/
какой-GEN быстрый-DAT PART (EMPH)
mig rdeb-dbang tsam-gyi yun-la/ nga dang pad.mtsho kha.gyes-nas

глаз хлопать-NMZ EMPH-GEN время-DAT 1SG COM Пецо разделяться-CNV

dbyar dgun ston dpyid-kyi dus.tshigs bzhi 'gor-'dug

лето зима осень весна-GEN период четыре протекать-PEFR.TEST

«Эх, лето-зима-осень-весна, **какой быстрый** срок — один год! За время, которое нужно чтобы мигнуть глазами, после того, как мы с Пецо расстались, прошло четыре времени года: лето — зима — осень — весна» (Don grub rgyal 1997b).

Схожим образом в (31), где говорящий сравнивает тибетцев, любящих критиковать все вокруг, с собакой, не желающей вставать из-за собственных заблуждений, ЭОИ можно отследить в обеих частях: как в воображаемых размышленииах собаки, так и в утверждении самого говорящего. Противопоставление бытийного глагола ПЭ *min-'dug* и копулы КЭ *red* служит дополнительным средством реализации ЭОИ, поскольку подчеркивает субъективность восприятия собаки и объективность недоступной ее пониманию реальности.

- (31) *khyi yin-na rang.nyid sna.khug zhu.gu-'i 'og-la bcug-nas*
собака быть-CNV REFL кончик.носа зад-GEN низ-DAT поместить-CNV
rgyal.khams dri.ma-yis rul bsdad-'dug
мир вонь-ERG гнилой сидеть-PERF.TEST
da lang dang ma-langs min-'dug zer-gyi-red/
сейчас вставать COM NEG-вставать NEG-PRS.TEST говорить-PRS.FACT
don.dngos thog rkub 'og-nas rang dri rang-la kha.ba red
факт верх анус низ-EL REFL запах REFL-DAT вонь быть.FACT
«Собака, под свой хвост засунув нос, говорит, что весь мир **наполнен** вонью,
сейчас вставай — не вставай — [разницы] **нет**. А на самом же деле это вонь из-под ее собственного зада» (Phun tshogs bkra shis 1999).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Особенности использования форм ПЭ для выражения ЭОИ во многом обусловлены внутренней природой категории эвиденциальности в целом и прямой эвиденциальности как ее подтипа. Формы ПЭ используются для реализации ЭОИ в ситуациях, когда у говорящего возникают эмоции или формируется оценка относительно непосредственно наблюдаемых действий или состояний, над которыми у него нет персонального контроля и которые он, в то же время, не считает объективной или общеизвестной информацией.

При выражении ЭОИ с помощью ПЭ говорящим акцентируется один из следующих аспектов или их сочетание: 1) неконтролируемость наблюдаемого действия или ситуации или связанная с ней объективизация через отстранение от ситуации и избегание форм ЭЭ; 2) прямое засвидетельствование факта высказывания как источник сильной неадресованной эмоциональности относительно наблюданной ситуации; 3) непосредственное наблюдение говорящего как допол-

нительный аргумент для оценивания и валидации достоверности сообщаемого факта (оттенок персуазивной интенции).

ЭОИ реализуется с применением разнообразных экспрессивных средств: эмоционально-оценочно маркированной лексики (как контекстуально, так и лексически), междометий, эмфатических частиц различного типа, трансформированных глагольных форм, эмфатических синтаксических конструкций, собственно эвиденциальных глагольных форм.

На материале корпуса употребление форм ПЭ для реализации ЭОИ приходится по большей части на рассуждения лирического субъекта, прямую речь литературного персонажа или прямое повествование от первого лица. ЭОИ как интенция практически не встречается в газетных и научных текстах корпуса, редкие употребления дополнительно оформляются глаголами эпистемической модальности. Вероятно, ограничения, налагаемые на реализацию ЭОИ семантикой ЭЭ и КЭ (большая ответственность за ситуацию в случае с ЭЭ и отстраненность от ситуации в случае с КЭ), а также неотъемлемая связь ПЭ с наблюдаемой ситуацией делают ПЭ наиболее распространенным средством для оформления ЭОИ в текстах корпуса.

Источники иллюстративного материала

- Chos 'phel rdo rje. Bod yig 'byung phyi'i skor la dpyad pa // Bod ljongs zhib 'jug*, No. 2. Lhasa, 1987, sh. 1–20. [Чопел Дордже. Исследование на тему происхождения тибетской письменности // Тибетологические исследования Лхаса, 1987. № 2. С. 1–20.] (На тибет. яз.)
- Don grub rgyal. Sad kyis bcom pa'i me tog // don grub rgyal gyi gsung 'bum. Bei jing: mi rigs dpe skrun khang*, 1997. Pod gnyis pa, sh. 218–288. [Дондуб Ъель. Цветок, побежденный морозом // Собрание сочинений Дондуб Гьела. Пекин: Издание национальностей, 1997. Том 2. С. 218–288.] (На тибет. яз.)
- Sgrung pa // Ibid. 1997a. Pod gnyis pa, sh. 318–328. [Сказитель // Там же. 1997a. Том 2. С. 318–328.]* (На тибет. яз.)
- Pad mtsho // Ibid. 1997b. Pod gnyis pa, sh. 289–301. [Пецо // Там же. 1997b. Том 2. С. 289–301.]* (На тибет. яз.)
- 'Di na yang drag tu mchong lding byed bzhin pa'i snying gson po zhig 'dug // Ibid. 1997c. Pod gcig po, sh. 90–94. [И здесь есть живое, сильно бьющееся сердце // Там же. 1997c. Том 1. С. 90–94.]* (На тибет. яз.)
- Lang tsho'i rbab chu // Ibid. 1997d. Pod gcig po, sh. 130–137. [Водопад молодости // Там же. 1997d. Том 1. С. 130–137.]* (На тибет. яз.)
- Rkang lam phra mo // Ibid. 1997e. Pod drug pa, sh. 1–7. [Узкая тропа // Там же. 1997e. Том 6. С. 1–7]* (На тибет. яз.)
- Pad ma tshe brtan. Gangs // Sbrang char 73, 1999, sh. 26–36. [Пема Цетен. Снег // Легкий дождь. 1999. Вып. 73. С. 26–36.]* (На тибет. яз.)
- Phun tshogs bkra shis. Bod kyi ang dang po. Lhasa: bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 1999. [Пунцог Таши. Первый в Тибете. Лхаса: Народное издательство Тибета, 1999.]* (На тибет. яз.)
- Tshe ring don grub. Rlung dmar 'ur 'ur. Kan su'u mi rigs dpe skrun khang, 2006. [Церинг Дондуб. Рев красного вихря. Народное издательство Ганьсу, 2006.]* (На тибет. яз.)

Yul phyogs so so'i gsar 'gyur me long. Vol. I. No. 1. 01.10.1925. [Зеркало Тибета (букв. «Зеркало новостей из разных стран»). Том 1. № 1. 01.10.1925.] (На тибет. яз.)

Литература

- Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике (На материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 29–43.
- Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая pragmatика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
- Тибетская литература в современном литературном процессе Китайской Народной Республики / под ред. П. Л. Гроховского // СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014.
- Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Н. А. Козинцевой / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007.
- Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / сост. О. Г. Ревзина. М.: Наука, 1972.
- Chafe W. L., Nichols J. Evidentiality: The linguistic encoding of epistemology. Norwood, NJ: Ablex, 1986.
- Chang B. Sh., Chang K. The certainty hierarchy among Spoken Tibetan verbs of being // Bulletin of the Institute of History and Philology, Academia Sinica. 1984. No. 55 (4). P. 603–634.
- DeLancey S. Lhasa Tibetan evidentials and the semantics of causation // Mary Niepokujet et al. (eds). Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, CA: Berkeley Linguistic Society, 1985. P. 65–72.
- DeLancey S. Evidentiality in Tibetic // The Oxford Handbook of Evidentiality. London: Oxford University Press, 2018. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198759515.013.27
- Evidential Systems of Tibetan Languages / ed. by L. Gawne, N. W. Hill. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2017.
- Hill N. “Mirativity” does not exist: *h dug* in “Lhasa” Tibetan and other suspects // Linguistic Typology. 2012. No. 16. P. 389–433.
- Hill N. *h dug* as a testimonial marker in Classical and Old Tibetan // Himalayan Linguistics. 2013. No. 12 (1). P. 1–16.
- 金鵬. 論藏語拉薩話口語動詞的特點與語法結構的關係 // 民族語文. 1979. Jin Peng. Lun Zangyu Lasahua kouyu dongci de tedian yu yufa jiegou de guanxi // Minzu Yuwen. 1979. [Цзинь Пэн. Отношения между свойствами глагола и грамматической структурой в лхасском диалекте тибетского языка // Языки малых народностей. 1979. № 3. С. 173–181.] (На кит. яз.)
- Oisel G. On the origin of the Lhasa Tibetan evidentials *song* and *byung* // Evidential Systems of Tibetan Languages, ed. by L. Gawne and N. W. Hill. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2017. P. 161–184. <https://doi.org/10.1515/9783110473742-006>
- Tournadre N. Arguments against the concept of ‘conjunct’/‘disjunct’ in Tibetan // Huber, Brigitte et al. (eds). Chomolangma, Demawend und Kasbek: Festschrift für Roland Bielmeier zu seinem 65. Geburtstag. Bd. 1. Halle (Saale): International Institute for Tibetan and Buddhist Studies, 2008. P. 281–308.
- Tournadre N. Final auxiliary verbs in literary Tibetan and in the dialects // Linguistics of the Tibeto-Burman Area. 2001. Vol. 24. No. 1. P. 49–111.
- Tournadre N., Dorje S. Manual of Standard Tibetan. Ithaca, N. Y: Snow Lion Publications, 2003.

- Tournadre N., LaPolla J. Towards a new approach to evidentiality // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*. 2014. Vol. 37 (2). P. 240–263.
- Zeisler B. Relative Tense and Aspectual Values in Tibetan Languages. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2004. <https://doi.org/10.1515/9783110908183>
- Zeisler B. Don't believe in a paradigm that you haven't manipulated yourself! // *The Linguistic Expression of Mirativity*, ed. by Agnès Celle and Anastasios Tsangalidis. Review of Cognitive Linguistics 2017. 15: 2. P. 515–539. <https://doi.org/10.1075/rcl.15.2.09zei>
- Zeisler B. Evidence for the development of 'evidentiality' as a grammatical category // *Tibetic languages Evidence for Evidentiality*, ed. by Ad Foolen et al., *Human Cognitive Processing*, 2018, no. 61. P. 227–256. <https://doi.org/10.1075/hcp.61.10zei>

References

- Bondarko A. V. *Categorization in the grammar system*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2011. (In Russian)
- Bondarko A. V. On the problem of intentionality in grammar (Based on the material of the Russian language). *Voprosy iazykoznaniiia*, 1994, no. 2, pp. 29–43. (In Russian)
- Chafe W. L., Nichols J. *Evidentiality: The linguistic encoding of epistemology*. Norwood, NJ, Ablex, 1986.
- Chang B. Sh., Chang K. The certainty hierarchy among Spoken Tibetan verbs of being. *Bulletin of the Institute of History and Philology*, Academia Sinica, 1984, no. 55 (4), pp. 603–634.
- DeLancey S. Lhasa Tibetan evidentials and the semantics of causation. Mary Niepokujet et al. (eds). *Proceedings of the Eleventh Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, CA, Berkeley Linguistic Society, 1985, pp. 65–72.
- DeLancey S. Evidentiality in Tibetic. *The Oxford Handbook of Evidentiality*. London, Oxford University Press, 2018. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198759515.013.27
- Evidential Systems of Tibetan Languages*. Ed. by L. Gawne, N. W. Hill. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2017.
- Evidentiality in the languages of Europe and Asia*. Ed. by V. S. Khrakovskiy. St Petersburg, Nauka Publ., 2007. (In Russian)
- Grice G. P. Logic and speech communication. *Novoye v zarubezhnoi lingvistike*. Iss. 16. Lingvisticheskaiia pragmatika. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 217–237. (In Russian)
- Hill N. "Mirativity" does not exist: *hdug* in "Lhasa" Tibetan and other suspects. *Linguistic Typology*, 2012, no. 16, pp. 389–433.
- Hill N. *hdug* as a testimonial marker in Classical and Old Tibetan. *Himalayan Linguistics*, 2013, no. 12 (1), pp. 1–16.
- Jin Peng. Relations between verbal qualities and grammar structure in Lhasa dialect of Tibetan. *Minzu Yuwen*, 1979, no. 3, pp. 173–181. (In Chinese)
- Oisel G. On the origin of the Lhasa Tibetan evidentials *song* and *byung*. *Evidential Systems of Tibetan Languages*, ed. by L. Gawne and N. W. Hill. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2017, pp. 161–184. DOI: 10.1515/9783110473742-006
- Tibetan Literature in the Modern Literary Process of the People's Republic of China* / ed. by P. L. Grokhovskii. St Petersburg, Philological Faculty of St Petersburg State University Publ., 2014. (In Russian)
- Tournadre N. Arguments against the concept of 'conjunct'/disjunct' in Tibetan. Huber, Brigitte et al. (eds). *Chomolangma, Demawend und Kasbek: Festschrift für Roland Bielmeier zu seinem 65. Geburtstag*, 2008. pp. 281–308.

- Tournadre N. Final auxiliary verbs in literary Tibetan and in the dialects. *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*, 2001, vol. 24, no. 1, pp. 49–111.
- Tournadre N., Dorje S. *Manual of Standard Tibetan*. Ithaca, N.Y., Snow Lion Publications, 2003.
- Tournadre N., LaPolla J. Towards a new approach to evidentiality. *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*, 2014, vol. 37 (2), pp. 240–263.
- Yakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. *Printsypr tipologicheskogo analiza jazykov razlichnogo stroya / sost.* O. G. Revzina. Moscow, Nauka Publ., 1972. (In Russian)
- Zeisler B. *Relative Tense and Aspectual Values in Tibetan Languages*. Berlin, New York, De Gruyter Mouton, 2004. DOI: 10.1515/9783110908183
- Zeisler B. Don't believe in a paradigm that you haven't manipulated yourself! *The Linguistic Expression of Mirativity*, ed. by Agnès Celle and Anastasios Tsangalidis, Review of Cognitive Linguistics 2017, 15: 2, pp. 515–539. DOI: 10.1075/rcl.15.2.09zei
- Zeisler B. Evidence for the development of 'evidentiality' as a grammatical category. *Tibetic languages Evidence for Evidentiality*, ed. by Ad Foolen et al., Human Cognitive Processing, 2018, no. 61, pp. 227–256. DOI: 10.1075/hcp.61.10zei

Сведения об авторе

Крамская Анна Сергеевна

Институт лингвистических исследований РАН

Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9.

Anna S. Kramskova

Institute for Linguistic Studies of the RAS

9, Tuchkov per., St Petersburg, 199053, Russian Federation

E-mail: iliran@mail.ru

SPIN-код: 3368-8959

Researcher ID: ABA-5407-2020

Scopus Author ID (Russian Citation Index): 57200309565

ORCID: 0000-0001-6630-1621